

КУДЕЛИЧ
ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА

доцент кафедры
международного
права Российского
государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В РОССИИ: В ПЛЕНУ УСТОЯВШИХСЯ СТЕРЕОТИПОВ ИЛИ ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД?

Трансграничное исполнение судебных решений в сфере предпринимательской деятельности — многофакторный процесс, в рамках которого переплетаются как сугубо юридическая проблематика, так и вопросы международной политики и экономики. Между тем прагматический подход к построению эффективного и удобного режима исполнения решений иностранных судов является важным условием для ведения международного бизнеса. В настоящей статье автор на примере наиболее актуальных и важных прецедентов определяет вектор развития судебной практики, обозначающий переход от устаревшей закрытой системы выдачи экзекватуры на решения иностранных судов к открытой, которая при большей сложности позволяет создать современный правовой режим экстерриториального применения судебных актов.

Ключевые слова: признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, экзекватура, международная вежливость, взаимность, публичный порядок, исключительная международная подсудность

За прошедшие годы сформировалась достаточно устойчивая тенденция роста количества дел о признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. Это означает, что значительная доля судебных разбирательств из сугубо национальных трансформируется в трансграничные со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности с необходимостью обеспечения частных лиц адекватными процессуальными механизмами признания и приведения в исполнение решений не только на территории государств, вынесших это решение, но и в иных юрисдикциях в зависимости от нахождения там активов должников.

EKATERINA A. KUDELICH

Associate Professor of the
International Law Department
at the Russian State University
of Justice, PhD in Law

CROSS-BORDER ENFORCEMENT OF FOREIGN JUDGMENTS IN RUSSIA: IMPRISONED BY STEREOTYPES OR MAKING HEADWAY?

Cross-border enforcement of judgments in commercial matters is a complex process combining both legal issues and complicated aspects of international politics and economics. Yet creating an effective and convenient regime for enforcement of foreign judgments can be easily considered as an important precondition to doing business in international markets. The article explores the analysis of recent precedents of commercial (state arbitrazh) courts touching upon this subject and reveals the direction of their further development. This direction demonstrates a switch from the isolated (or closed) concept of granting the *exequatur* towards an open one which, despite its complexity, allows for the creation of an up-to-date legal enforceability regime for foreign judgments.

Keywords: recognition and enforcement of foreign judgments, exequatur, international comity, reciprocity, public order, exclusive international jurisdiction

---

Казалось бы, совершенно очевидные и обоснованные экономические потребности делового оборота, которые в силу глобализации перестают быть связанными строгими пространственными, территориальными границами, вынуждены по-прежнему претерпевать ограничения в области судебной защиты. Опыт многих государств свидетельствует о том, что большинство из них эволюционно проходит путь от достаточно враждебного отношения к выдаче экзекватуры на своей терри-

тории на решения иностранных судов, расценивая это во многом как вмешательство в свою независимость и суверенитет, до выработки достаточно простых и сбалансированных моделей такого исполнения. Переход от закрытой к открытой модели исполнения становится естественным проявлением необходимости реагирования на рост трансграничных сделок, который требует соответствующего процессуального обеспечения в виде наделения предпринимателей возможностью при-

водить в исполнение судебные решения там, где это является экономически целесообразным (по месту нахождения должника, по месту нахождения его имущества либо имущества его структурных подразделений).

Произошел ли в России за последние 15–20 лет такой переход или по крайней мере наметился ли он?

Начать обсуждение вопросов о современном правоприменительном ландшафте в области принудительного исполнения иностранных судебных решений хотелось бы с рассмотрения общего тезиса о том, что как в России, так и за рубежом достаточно устойчивым остается стереотип, что наличие адекватного механизма признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на основании норм Нью-Йоркской конвенции 1958 г.¹ является достаточным для эффективной защиты нарушенных прав в сфере внешнеэкономической деятельности. Между тем усилившиеся тенденции последних лет очевидно свидетельствуют о том, что дороговизна и постепенное усложнение процедуры международного коммерческого арбитража делают его доступным и более востребованным для крупного бизнеса, тогда как для мелкого и среднего более привлекательным остается государственное правосудие, которое нельзя лишать адекватных механизмов обеспечения экстерриториального исполнения вынесенных решений.

В рамках данной статьи мы ставим задачу дать общий и достаточно схематичный обзор тех системообразующих правовых позиций, которые были сформированы в судебно-арбитражной практике (а именно о ней пойдет речь) к моменту ликвидации Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в августе 2014 г. (и которые к настоящему моменту не были подвергнуты ревизии со стороны Верховного Суда).

Начать следует с анализа вопроса о том, удалось ли российским арбитражным судам перейти от *закрытой системы* выдачи экзекватуры на решения иностранных судов, в рамках которой жестко соблюдается презумпция того, что лишь наличие действующего международного договора о правовой помощи должно являться основанием для принудительного исполнения на территории России иностранных судебных решений, к более прогрессивной, *открытой системе*.

¹ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10.06.1958).

Международный договор или принцип международной вежливости/взаимности?

Длительное время советское, а после и российское законодательство и правоприменительная практика развивались в русле общемировых тенденций недоверия и подозрительности к иностранным решениям, которые рассматривались в качестве некоей потенциальной угрозы национальным интересам². И несмотря на то, что за последние десятилетия степень протекционизма и одновременно отсутствия уверенности в компетентности и беспристрастности судов иностранных государств существенно снизилась, тем не менее трансграничное исполнение судебного решения во всем мире остается непростой и достаточно рискованной задачей.

Подтверждением этому служит тот факт, что успешные международные договоры, являющиеся твердой юридической основой для принудительного исполнения иностранных судебных решений, заключаются и действуют лишь в рамках интеграционных объединений (Регламент Совета Европейского союза от 22.12.2000 № 44/2001 «О юрисдикции и признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам»³, Межамериканская конвенция об экстерриториальном действии судебных и арбитражных решений 1979 г. и Межамериканская конвенция о юрисдикции в международной сфере в отношении экстерриториального действия иностранных судебных решений 1984 г.⁴, Соглашение Лиги арабских государств об исполнении судебных решений 1952 г., Арабская конвенция о судебном сотрудничестве 1983 г., заключенное в рамках СНГ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 г. и проч.). Предпринятая Гаагской конференцией по международному частному праву попытка разработать универсальный международный договор, позволивший бы обеспечить юридическую базу для трансграничного исполнения судебных актов, увенчалась успехом, финализовавшись в виде

² См.: *Weems P.R. Guidelines for Enforcing Money Judgments Abroad // International Business Lawyer. 1993 Vol. 21. № 11. P. 509.*

³ Council Regulation (EC) No. 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // Official Journal L 12 of 16.01.2001.

⁴ Журнал международного частного права. 2007. № 4(58).

Конвенции о соглашениях о выборе суда 2005 г., однако к настоящему времени она в силу так и не вступила⁵.

В России же по-прежнему положения действующих процессуальных кодексов (ст. 241 АПК и ст. 409 ГПК РФ) содержат указание на то, что именно наличие международного договора является обязательной предпосылкой для инициирования процедуры признания и исполнения иностранных судебных решений. Прямое указание на признание и исполнение вынесенных за рубежом актов на основании принципа взаимности без наличия международного договора в российском законодательстве имеется лишь в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Впрочем, можно с удовлетворением констатировать, что устаревшая законодательная база в ближайшее время может измениться, поскольку в анонсированной Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указывается на необходимость закрепления возможности признания и принудительного исполнения в России иностранных судебных и арбитражных решений на основе не только международного договора и федерального закона, но и принципа взаимности.

Последние два десятилетия в российской судебной практике происходило пусть не всегда ровное и линейное, но тем не менее поступательное движение к тому, чтобы отойти от жесткого позитивизма в вопросе санкционирования принудительного исполнения иностранных судебных решений лишь тех государств, с которыми у России имеются соответствующие действующие международные договоры, прямо предписывающие возможность такого исполнения (отсутствие большого количества оных фактически делало задачу по созданию эффективного и универсального правового режима в обозначенной области фикцией).

При этом если мы зададимся вопросом, сложился ли в российской судебно-арбитражной практике устойчивый подход к внедоговорному исполнению иностранных су-

дебных решений на основе принципа взаимности, то ответ будет скорее положительным. Основу для формирования такой практики в последние годы образуют дела о принудительном исполнении решений судов государств — членов Европейского союза, с которыми отсутствуют международные договоры о правовой помощи по гражданским и торговым делам, санкционирующие взаимное исполнение судебных решений.

Первым важным прецедентом, заложившим основы подходов, которыми в будущем стали руководствоваться арбитражные суды при рассмотрении данной категории дел, стали судебные акты, вынесенные по делу № А40-53839/05-8-388 о признании и приведении в исполнение решения Высокого суда Англии и Уэльса о взыскании с нефтяной компании «ЮКОС» в пользу международного синдиката банков причитающихся им сумм по заключенному между сторонами кредитному договору⁶.

Указанные судебные акты примечательны по нескольким причинам.

Во-первых, они заложили генеральную линию на расширительное толкование категории «международный договор», упомянутой в ст. 241 АПК РФ в качестве условия для признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. Под такими договорами суды стали понимать не только специальные международные договоры с тем или иным государством о взаимной экзекватуре, но и двусторонние и региональные соглашения более общего характера о правовой помощи и сотрудничестве между государствами.

Например, в качестве таких договоров арбитражными судами рассматривается Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г., учреждающее партнерство между Российской Федерацией с одной стороны и Европейскими сообществами и их государствами-членами с другой стороны, двусторонние межправительственные соглашения (суды неоднократно ссылались на Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии об экономическом сотрудничестве 1992 г. как на устанавливающее

⁵ Конвенция подписана государствами — членами Европейского союза, Сингапуром и США, однако ратифицирована лишь Мексикой. URL: http://hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=98 (дата обращения: 12.05.2015).

⁶ См.: определение АС г. Москвы от 21.12.2005 и постановление ФАС Московского округа от 22.02.2006.

национальный режим юридическим и физическим лицам каждой из стран в отношении доступа и процедуры разбирательства в любых судах и административных органах на территории другой страны, в которые они обратятся в качестве истцов, ответчиков или в каком-либо ином качестве в связи с торговыми сделками). Следует отметить, что подобный подход был закреплен в 2014 г. и на уровне высшей судебной инстанции в Постановлении ВАС РФ от 28.01.2014 № 3366/13.

Во-вторых, можно констатировать, что в практике арбитражных судов сформировалась единообразная правовая позиция, базирующаяся на подходах Европейского суда по правам человека, согласно которой создание предпосылок для принудительного исполнения иностранных судебных решений на территории Российской Федерации является неотъемлемым элементом реализации права на эффективную судебную защиту⁷. Признавая, что право на доступ к суду в подобном трансграничном аспекте не является абсолютным и допускает определенные исключения, Европейский суд отмечает, что такие ограничения в силу действия принципа пропорциональности не должны полностью нивелировать само содержание и сущность предоставленного частным лицам права⁸.

Что же касается собственно применения принципа взаимности, то здесь имеющуюся в настоящее время судебно-арбитражную практику нельзя признать достаточно системной. Внутренне соглашаясь с аргументацией, что указанный принцип является проявлением в частной сфере общепризнанного принципа равенства и сотрудничества государств, выступающего нормой *jus cogens* и подлежащего в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации непосредственному применению⁹, суды не обладают инструментарием по его применению.

Между тем необходимость обладания таким инструментарием очевидна, поскольку от того, какую форму взаимности изберут судьи — презюмируемой взаимности¹⁰ (такая взаимность, на наш взгляд, больше

готовит к принципу международной вежливости (*comity*)¹¹) или же так называемой фактической взаимности¹², во многом зависит судьба перехода от закрытой к открытой системе выдачи экзекватуры.

Можно констатировать, что в настоящее время арбитражные суды во многом интуитивно, в отсутствие соответствующих законодательных норм и разъяснений со стороны высшей судебной инстанции, избрали именно фактическую взаимность¹³. Притом что функционал данной модели очевиден (возможность блокирования исполнения решений судов тех государств, где не признаются результаты российского правосудия), она тем не менее не лишена и целого ряда существенных недостатков. Среди них следует назвать то, что государства в этом случае занимают выжидательную позицию, не желая сделать первый шаг.

Ярким примером этого служит практика по исполнению российских судебных решений в Германии, суды

точными считаются непровергнутые сведения об отсутствии действий, свидетельствующих об отказе от взаимности государства, вынесшего подлежащее принудительному исполнению решение.

¹¹ В качестве одного из недавних проявлений действия такого принципа можно привести постановление Апелляционного суда Англии и Уэльса от 27.06.2012, не согласившегося с выводами Коммерческого суда Лондона о признании и приведении в исполнение отмененных арбитражными судами Российской Федерации решений МКАС при ТПП РФ от 19.09.2006. Оставляя в стороне все многочисленные детали данного дела, хотелось бы лишь отметить общий посыл Апелляционного суда Англии и Уэльса о том, что необходимо руководствоваться презумпцией справедливости и правомерности актов, принимаемых иностранными судами, и с большой осторожностью относиться к заявлениям о вынесении иностранным судом неправоудного акта.

¹² При следовании фактической взаимности решение иностранного суда не подлежит принудительному исполнению в отсутствие доказательств исполнения соответствующим государством решений судов того государства, на территории которого испрашивается экзекватура.

¹³ В качестве примера можно привести определение АС г. Москвы от 25.06.2007 по делу № А40-73830/06-25-349, постановление ФАС Московского округа от 17.02.2009 по делу № А40-7480/08-68-127, которыми было отказано в принудительном исполнении судебных решений Израиля и США соответственно по мотиву отсутствия между Российской Федерацией и соответствующими иностранными государствами международного договора. При этом в судебных актах содержался довод о том, что стороны не представили доказательств следования соответствующими иностранными судами международному принципу взаимности в вопросе исполнения российских судебных решений.

⁷ См.: постановление от 19.03.1997 по делу «Хорнсби против Греции» (*Hornsby v. Greece*).

⁸ См.: постановление от 01.04.2010 по делу «Врбика против Хорватии» (*Vrbica v. Croatia*).

⁹ Подробнее см.: *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 2. С. 69–77.

¹⁰ В этом случае взаимность обычно предполагается и доста-

которой неоднократно отказывали в выдаче экзекватуры, ссылаясь на отсутствие доказательств исполнения судами РФ немецких решений. Негативный эффект подобного подхода очевиден: право на судебную защиту лишается эффективной реализации за счет нарушения трансграничного эффекта судебного процесса и вынужденности возбуждения нового судебного разбирательства для обеспечения судебной защиты нарушенных прав и за счет оттока (иногда искусственного) дел в третейские суды, для которых существует механизм Нью-Йоркской конвенции¹⁴, и в итоге — глобальное негативное воздействие на осуществление внешнеэкономических связей.

Отдельные основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений

Несмотря на то, что государства избирают для себя какую-либо идеологию в области выдачи экзекватуры на решения иностранных судов, будь то самое либеральное следование идеям международной вежливости либо же более строгая обусловленность наличием действующего международного договора, все же представляется, что эти посылы лежат в большей степени в области внешней политики, нежели права. А все протекционистские, защитные цели, которые этим преследуются, могут быть перенесены сугубо в юридическую плоскость и решены более прикладными механизмами, которые именуются основаниями для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений. Этим оснований несколько, и каждое из них решает как локальную задачу по обеспечению субъективных прав частных лиц на справедливое судебное разбирательство, так и более глобальную — по защите публичного порядка.

1. Надлежащее извещение стороны судебного разбирательства

Совершенно очевидно, что надлежащее извещение всех участников судебного процесса о дате и месте проведе-

ния судебных заседаний является необходимой предпосылкой обеспечения справедливого и публичного разбирательства дела. В делах с участием иностранных лиц в качестве ответчика и третьих лиц без самостоятельных требований в зависимости от того, насколько тщательно и правильно исполнит суд свои обязательства по их извещению, в последующем в рамках принудительного исполнения вынесенного решения в зарубежной юрисдикции будет решаться вопрос о возможности выдачи на него исполнительного листа.

В последние годы арбитражными судами РФ был сформирован целый ряд правовых позиций по указанному аспекту. В частности, решался вопрос о том, кто несет бремя невозможности извещения иностранного участника процесса по его юридическому адресу: само лицо, которое не обеспечило такую возможность¹⁵, либо истец, который не имеет возможности получить судебную защиту своих прав в связи с невозможностью извещения ответчика в иностранной юрисдикции.

В отличие от сугубо национальных судебных разбирательств процесс с участием иностранных лиц, ведущийся с задействованием инструментов международной правовой помощи, обладает существенной спецификой, обусловленной, в частности, более активной ролью суда, который обязан предпринять все необходимые меры для установления адреса ответчика и вручения ему судебных документов.

С одной стороны, имеет право на существование подход, что если в имеющихся в распоряжении суда документах содержатся сведения о том, что местонахождение ответчика не совпадает с юридическим адресом, то суд должен известить лицо по этим адресам. В случае отсутствия такой информации бремя отсутствия извещения несет именно то лицо, которое не позаботилось о получении корреспонденции по юридическому адресу как единственному указанному в договорах и известному контрагентам.

Это в целом согласуется с позицией Европейского суда по правам человека, который считает извещение

¹⁴ При этом ущемляются права частных лиц на свободный, а не вынужденный выбор формы защиты права с учетом таких факторов, как стоимость, открытость, беспристрастность, компетентность и проч., а также такого немаловажного условия, как арбитрабельность, которое вообще может заблокировать возможность выбора.

¹⁵ Вручение судебных повесток по юридическому адресу ответчика в ряде дел было невозможно в связи с возвратом почтовой корреспонденции суда с отметкой почты «не значит».

надлежащим, если государственным органом были приняты все необходимые меры по извещению иностранного лица и извещение не было получено этим лицом по причине несовершения самим заявителем действий, необходимых для получения им своей почтовой корреспонденции¹⁶.

Однако, с другой стороны, необходимо учитывать специфику извещения лица, находящегося в одном государстве, о судебном процессе, ведущемся в другом государстве. В этом контексте обязанности частного лица обеспечивать получение корреспонденции по юридическому адресу коррелирует публичная обязанность суда, осуществляющего рассмотрение спора, предпринять все возможные и необходимые меры для извещения ответчика и удостовериться в таком извещении с целью обеспечения его фундаментального права на судебную защиту.

Для того чтобы запрашивающее государство могло считаться выполнившим обязательство по извещению ответчика, находящегося в иностранном государстве, оно должно не только направить соответствующее судебное поручение о вручении, но и дожидаться получения от суда запрашиваемого государства доказательств такого вручения либо, если правовая помощь не могла быть оказана, сведений об обстоятельствах, которые препятствуют исполнению поручения (п. 5 ст. 8 Минской конвенции¹⁷). Эта норма накладывает на суд обязательство дать правовую оценку факту неизвещения лица и либо предпринять необходимые действия с целью извещения (затребование у истца информации о дополнительных известных адресах, по которым ответчик может быть извещен), либо принять и разъяснить истцу риски последующего возможного отказа в признании и приведении в исполнение решения по мотиву ненадлежащего извещения.

Кроме того, важной гарантией, закрепленной, в частности, в ст. 15 Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам 1965 г. (далее — Гаагская конвенция), является наделение суда правом выно-

сить решения без подтверждения о вручении или доставке документов лишь в случае, когда документ был передан установленным способом уполномоченному органу запрашиваемого государства для вручения; с даты отправления документа истек период времени, определенный судьей как достаточный, но который составляет не менее шести месяцев.

Соответственно, в тех случаях, когда иностранным судом устанавливается срок для вручения повестки, объективно недостаточный для возможности осуществления всех необходимых мер для извещения лица (судами как запрашиваемого, так и запрашивающего государства), это также рассматривается в качестве нарушения в части обеспечения процессуальных гарантий в области надлежащего извещения о ведущемся судебном разбирательстве. По общему правилу суд, начиная процесс без явки иностранного ответчика, должен описать предпринятые меры по извещению, обосновать соблюдение международно-правовых процессуальных стандартов в названной сфере.

В этом контексте следует признать устоявшейся практику арбитражных судов РФ¹⁸ по отказу в выдаче исполнительных листов на решения иностранных судов, вынесенные без исследования вопросов о надлежащем извещении ответчика о судебном заседании и без соответствующего отложения при необходимости судебного заседания, как нарушающие фундаментальное право на судебную защиту¹⁹.

¹⁶ См.: п. 26 решения от 16.12.1992 по делу «Хеннингс против Германии» (*Hennings v. Germany*) (жалоба № 12129/86).

¹⁷ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993).

¹⁸ Ярким примером являются судебные акты (определение АС г. Москвы от 09.09.2011 и постановление ФАС Московского округа от 16.01.2012), вынесенные по делу № А40-62226/11-50-520.

¹⁹ Такой подход закреплен в практике ЕСПЧ, согласно которой нерассмотрение вопроса о надлежащем извещении ответчика о судебном процессе является основанием для признания того, что государственными органами не были приняты все необходимые меры для надлежащего извещения (постановления по делам: «Яковлев против России» (*Yakovlev v. Russia*) от 15.03.2005 (жалоба № 72701/01), п. 22; «Грошев против России» (*Groshev v. Russia*) от 20.10.2005 (жалоба № 69889/01), п. 30; «Мокрушина против России» (*Mokrushina v. Russia*) от 05.10.2006 (жалоба № 23377/02), п. 23; «Прокопенко против России» (*Prokopenko v. Russia*) от 03.05.2007 (жалоба № 8630/03), п. 20; «Субботкин против России» (*Subbotkin v. Russia*) от 12.06.2008 (жалоба № 837/03), п. 20; «Литвинова против России» (*Litvinova v. Russia*) от 14.11.2008 (жалоба № 34489/05), п. 18; «Бацанина против России» (*Batsanina v. Russia*) от 26.05.2009 (жалоба № 3932/02), п. 33).

В указанных обстоятельствах более справедливым и сбалансированным с точки зрения правовой регламентации порядка извещения российских лиц о процессах в иностранных государствах представляется подход, учитывающий не только соблюдение самим лицом обязанности получения корреспонденции по юридическому адресу, но и выполнение судами запрашивающего и запрашиваемого государства коррелирующей обязанности по принятию всех необходимых мер для надлежащего извещения.

Однако наибольший интерес представляет правовая позиция, получившая закрепление в упоминавшемся выше Постановлении Президиума ВАС РФ от 28.01.2014 № 3366/13, где перед судом стоял вопрос выбора, какое извещение — эффективное (т.е. в отношении которого у суда отсутствуют сомнения в получении адресатом соответствующих сведений) или официальное (осуществляемое в соответствии с Гаагской конвенцией, т.е. через Минюст России как уполномоченный центральный орган), считать необходимой предпосылкой для выдачи экзекватуры на решение иностранного суда в силу п. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ.

В ходе рассмотрения дела в арбитражных судах первой и кассационной инстанций был установлен факт надлежащего извещения ответчика о предъявлении к нему иска в Высокий суд Англии и Уэльса²⁰.

В пользу принятия концепции эффективного извещения очевидно говорили следующие аргументы.

Во-первых, арбитражными судами установлено, что ответчик был действительно извещен о поданном против него иске в английский суд и такое извещение соответствовало российскому процессуальному законодательству.

Во-вторых, между истцом и ответчиком было заключено пророгационное соглашение о наделении

английских судов компетенцией рассматривать возникающие между сторонами споры. Указанное обстоятельство по общему правилу свидетельствует о том, что стороны принимают на себя возможные риски применения компетентным судом своих процессуальных норм, многие из которых могут быть неизвестны процессуальному законодательству других государств (к числу таких норм могут быть отнесены, как в данном деле, правила о вынесении так называемого *default judgment* (решение против надлежащим образом извещенного, но не явившегося в суд ответчика), правила об уплате судебных залогов).

В-третьих, Гаагская конвенция (ч. 2 ст. 5) исходит из того, что, за исключением случаев, когда требуется вручение документа в особом порядке, документ может быть всегда непосредственно доставлен адресату, если тот согласен его добровольно принять. В рамках данного дела уведомления были ответчиком получены, возражений против их принятия не последовало.

Важно отметить, что Гаагская конвенция содержит важные механизмы защиты прав ответчика как до, так и после вынесения заочного решения.

Прежде всего это касается обязанности суда, рассматривающего дело, отложить вынесение решения до установления факта вручения документа в соответствии с официально предусмотренными требованиями запрашиваемого государства или факта действительного вручения ответчику лично. Такие гарантии английским судом были соблюдены: рассмотрение дела было отложено более чем на 7 месяцев, при этом суд оценил факт действительного вручения документов ответчику и счел его состоявшимся.

Альтернативная эффективному (действительному) извещению концепция официального извещения, которая в итоге была избрана Высшим Арбитражным Судом РФ, всей совокупности упомянутых факторов и обстоятельств не учитывает и исходит из сугубо формальной логики применения международных договоров, основанной на положениях Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Речь идет о том, что в заявлении, сделанном Российской Федерацией при ратификации Гаагской конвенции, содержится оговорка, что извещение способами,

²⁰ Эту обязанность исполнил истец, которого английский суд уполномочил на вручение ответчику судебных документов. Суды установили, что исковая форма (уведомление) была направлена в адрес ответчика (по адресу места регистрации постоянно действующего исполнительного органа ответчика) ценным письмом с описью вложения и получена уполномоченным сотрудником последнего. Кроме того, аналогичный пакет документов был направлен по второму адресу ответчика, а также по адресу государственной регистрации.

предусмотренными ст. 10 (в частности, посредством пересылки судебных документов по почтовым каналам непосредственно лицам, находящимся за границей), не допускается. Это заявление должно рассцениваться как препятствующее тому, чтобы считать надлежащим такое извещение о судебном процессе, которое направлено с нарушением норм международного договора РФ, несмотря на заключение сторонами пророгационного соглашения.

При этом ВАС РФ сделал важную оговорку, что по общему правилу подобные извещения сами по себе не должны порождать у получивших их лиц какие-либо неблагоприятные правовые последствия, связанные с неучастием в судебном процессе, за исключением тех случаев, когда указанные лица, получив извещения, все-таки приняли участие в иностранном разбирательстве, в том числе посредством представления объяснений суду иностранного государства. Тогда в силу действия принципа процессуального эстоппеля такие лица впоследствии не вправе ссылаться на ненадлежащее уведомление о судебном разбирательстве как на основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения.

2. Соблюдение правил об исключительной международной подсудности

Важным элементом построения эффективного режима принудительного исполнения иностранных судебных решений является оценка судом, принимающим решение о выдаче экзекватуры, компетенции суда, вынесшего решение. Во многих странах действуют правила о косвенной международной подсудности, наделяющие суд в рамках дела о выдаче экзекватуры осуществлять оценку компетенции суда, вынесшего решение, на предмет ее соответствия нормам о прямой международной подсудности, установленным как в национальном законодательстве, так и в нормах международного права²¹.

В России подобный инструментарий ограничен лишь применением норм об исключительной международ-

ной подсудности, которые, будучи составной частью публичного порядка, препятствуют признанию и приведению в исполнение решений иностранных судов, вынесенных с их нарушением.

В последние годы острым вопросом, требовавшим четкого судебного толкования, стало разграничение компетенции между российскими и иностранными судами в сфере трансграничных корпоративных споров.

Трудность здесь заключается в некотором диссонансе между правилами, которые определяют внутригосударственную подведомственность споров арбитражным судам, и правилами, определяющими исключительную международную подсудность трансграничных корпоративных споров. Если ст. 33 АПК РФ относит к специальной подведомственности арбитражных судов практически все категории корпоративных споров, поименованные в ст. 225.1 Кодекса (это и споры, связанные с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица, споры связанные с принадлежностью акцией и долей участия, споры об обжаловании решений органов управления юридического лица, споры, связанные с эмиссией ценных бумаг, и проч.), то ст. 248 относит к исключительной компетенции арбитражных судов РФ по делам с участием иностранных лиц только споры, связанные с учреждением, регистрацией или ликвидацией на территории России юридических лиц, а также с оспариванием решений органов этих юридических лиц.

Это приводит к тому, что арбитражные суды при очерчивании пределов своей исключительной компетенции по данной категории дел зачастую ссылаются совместно на п. 10 ч. 1 ст. 247 и на ч. 4.1 ст. 38 и ст. 225.1 АПК РФ, что видится необоснованным, поскольку ст. 225.1 в совокупном применении с ч. 4.1 ст. 38 охватывает только внутригосударственные корпоративные споры и не определяет компетенции арбитражных судов в случаях, если в спорном правоотношении, пусть даже отнесенном данной статьей в категории корпоративных споров, участвуют иностранные лица. В отношении трансграничных корпоративных споров пределы компетенции зарубежных судов за счет применения правил об исключительной международной подсудности определяются лишь на основе главы 32 АПК РФ.

²¹ Более подробно о косвенной международной подсудности см.: *Гафаров С.Э.* Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

Важным прецедентом по рассматриваемой проблематике стало Постановление Президиума ВАС РФ от 23.10.2012 № 7805/12, которым впервые были очерчены пределы исключительной международной подсудности российских арбитражных судов по корпоративным спорам и определены ее правовые основания.

В частности, суд счел решение Окружного суда города Лимассола (Республика Кипр) в части признания недействительным разрешения головной российской компании своему дочернему обществу на отчуждение принадлежащих ему долей в уставном капитале третьей компании²² нарушающим нормы об исключительной компетенции российских арбитражных судов, установленные п. 5 ч. 1 ст. 248 АПК РФ.

Между тем остается множество не решенных в судебной практике актуальных вопросов определения международной юрисдикции по корпоративным спорам. В том числе, необходимо ли арбитражному суду признавать свою исключительную международную подсудность в спорах по искам учредителей и участников юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) о применении последствий недействительности таких сделок и ряду других, при условии участия в них иностранных лиц, на основании ч. 4.1 ст. 38 и ст. 225.1 АПК РФ либо же компетенция должна определяться лишь с использованием правового инструментария главы 32 АПК РФ?

Видится, что ответ на этот вопрос должен быть аналогичен указанному ранее: нормы ст. 247, 248 и 249 главы 32 АПК РФ являются специальными по отношению к положениям статей о подсудности внутригосударственных корпоративных споров арбитражным судам. При этом в отсутствие иных указаний и специальных правил о компетенции арбитражных судов по рассмотрению таких споров с участием иностранных лиц представляется возможным использовать принцип тесной связи и применять п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ.

²² Это разрешение было формализовано в виде решения внеочередного общего собрания участников головной компании.

Важным следствием этого подхода является то, что при рассмотрении корпоративных споров трансграничного характера арбитражные суды могут использовать данную аргументацию и расширительно толковать пределы своей международной подсудности, однако отказ в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений будет обоснованным лишь в том случае, если такое решение принято с нарушением норм об исключительной международной юрисдикции российских арбитражных судов, установленных в п. 5 ч. 1 ст. 248 АПК РФ.

3. Применение оговорки о публичном порядке

Вопрос применения арбитражными судами данного защитного механизма заслуживает отдельного подробного рассмотрения, однако в рамках настоящей статьи хотелось бы остановиться лишь на отдельных аспектах данной проблематики.

Как известно, 26 февраля 2013 г. Президиумом ВАС РФ было принято Информационное письмо № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» (далее — Обзор), которое обобщило более чем 15-летнюю практику арбитражных судов РФ по рассмотрению данной категории дел. Долгое время суды сталкивались со сложностью наполнения самой категории «публичный порядок» относительно конкретным содержанием.

Общий идеологический посыл Обзора заключался в демонстрации того, что ссылка на противоречие публичному порядку должна являться экстраординарным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных решений, к которому суды должны прибегать лишь в исключительных случаях при наличии веских оснований.

Именно поэтому сам текст документа был концептуально структурирован таким образом, чтобы конкретизировать правовые табу, наличие которых в иностранных судебных решениях является абсолютно неприемлемым для российского правопорядка.

Однако с принятием Обзора конкретизация порядка применения оговорки о публичном порядке как основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений не прекратилась, а, напротив, получила серьезный импульс для дальнейшего развития.

В этом ключе интерес представляет анализ правовых позиций, содержащихся в Постановлении ВАС РФ от 08.10.2013 № 6004/13.

Так, в нем было детализировано, в каких случаях непривлечение к участию в деле третьих лиц может быть расценено как нарушение их фундаментального права на судебную защиту, препятствующее приведению в исполнение соответствующего иностранного судебного решения.

Такое основание для отказа в выдаче экзекватуры было напрямую применено в упомянутом выше Постановлении ВАС РФ от 23.10.2012 № 7805/12, где суд счел, что признание кипрским судом недействительным договора купли-продажи доли в уставном капитале, покупателем по которому выступала российская компания, которая не заключала пророгационное соглашение о выборе суда данного государства в качестве компетентного и не давала добровольного согласия на участие в судебном разбирательстве в указанном суде, является нарушением публичного порядка Российской Федерации. Такое нарушение было усмотрено судом в том, что право на суд, гарантированное ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., включает в себя право лица участвовать в тех судебных процессах, в рамках которых решаются вопросы о его правах и обязанностях.

В Постановлении от 08.10.2013 № 6004/13 Президиум ВАС РФ уточнил, что нарушение прав третьих лиц на судебную защиту может признаваться нарушением публичного порядка и, как следствие, основанием для отказа в признании и приведении в исполнение соответствующего иностранного решения лишь в тех случаях, когда это решение непосредственно затрагивает права и законные интересы таких третьих лиц. В рассматриваемом деле суд счел, что права российских компаний как последующих цессионариев решением Высокого суда Северной Ирландии напрямую не затрагиваются.

При этом ВАС РФ справедливо отметил, что для заявления довода о нарушении иностранным решением российского публичного порядка стороны должны были задействовать процессуальные механизмы, предоставляемые им зарубежным правопорядком. Речь идет, в частности, о возможности заявить ходатайство о привлечении их к участию в деле на основании п. 6 (2) раздела 15 Правил Высокого суда правосудия Северной Ирландии²³ либо подать самостоятельный иск об оспаривании заключенных ими сделок и обжаловать принятое судом решение.

Рассматриваемое Постановление ВАС РФ примечательно еще и тем, что в нем процедура выдачи экзекватуры на решение иностранного суда впервые была встроена в качестве элемента в общую конструкцию по обеспечению соблюдения международного публичного порядка. Имеется в виду то обстоятельство, что суд аргументировал наличие оснований для признания и приведения в исполнение решения ирландского суда необходимостью выполнения норм Конвенции ООН против коррупции 2003 г.²⁴, которая налагает на договаривающиеся государства обязанность содействовать друг другу в осуществлении мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции в частном секторе и борьбу с ней (п. 2 ст. 12), в том числе посредством признания контрактов, совершенных под влиянием коррупционных факторов, недействительными (ст. 34).

ВАС РФ учел те доводы, которые были положены ирландским судом в основание признания заключенных договоров уступки прав требования и дополнительных соглашений ничтожными (это и конфликт интересов между владельцами компаний, и подозрительный характер совершенных сделок, их направленность на вывод активов из-под контроля законных кредиторов и/или нанесение ущерба интересам таких кредиторов).

Исходя из совокупности приведенных обстоятельств в Постановлении был сделан вывод о том, что принудительное исполнение на территории Российской

²³ The Rules of the Court of Judicature (Northern Ireland) 1980.

²⁴ Российская Федерация и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии являются ее участниками.

Федерации подобного иностранного решения будет являться реализацией заложенного в п. 5 ст. 14 Конвенции ООН против коррупции принципа сотрудничества между судебными и правоохранительными органами, а также органами финансового регулирования в целях борьбы с легализацией незаконно полученных денежных средств.

Возможно ли признание иностранного судебного решения без его принудительного исполнения?

В заключение хотелось бы кратко остановиться на проблеме, которая длительное время носила скорее теоретический характер, а в последние годы приобретает все большее практическое значение. Это вопрос о том, возможно ли признание иностранного судебного решения, не требующего принудительного исполнения, и если да, то в рамках какой процедуры оно должно осуществляться.

В судебно-арбитражной практике этот вопрос возник при рассмотрении искового заявления акционерного общества «БТА Банк» (Республика Казахстан) к ООО «Пектопа» о применении последствий недействительности соглашения о расторжении договора об ипотеке, погашении (аннулировании) в ЕГРП записи о погашении ипотеки в пользу общества «БТА Банк» в отношении двух нежилых помещений, расположенных в Москве, восстановлении в ЕГРП записи о государственной регистрации ипотеки в пользу общества «БТА Банк» в отношении указанных нежилых помещений²⁵.

Не вдаваясь в подробное описание фабулы настоящего дела, отметим лишь, что «БТА Банк» основывал свои иски требования на решении Специализированного межрайонного экономического суда г. Алматы (Республика Казахстан) по иску прокурора Медеуского района г. Алматы, заявленного в интересах акционерного общества «Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» о признании соглашения о расторжении договора ипотеки недействительным в полном объеме ввиду отсутствия у представителя общества «БТА Банк» полномочий на его подписание.

К сожалению, Президиум ВАС РФ, констатировав лишь неправомерность ссылки суда кассационной инстанции на ст. 16 АПК РФ в отсутствие указания на международный договор РФ или федеральный закон, которыми предусмотрено обязательное применение в РФ решения суда Республики Казахстан, оставил без подробного анализа вопрос о юридической силе судебного акта иностранного суда, предоставленного в российский суд для подтверждения тех или иных фактов²⁶.

Примечательно, что при новом рассмотрении данного дела Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 31.03.2015 пришел к выводу о том, что указанное решение казахстанского суда подлежит признанию на территории Российской Федерации без специального производства. Основанием для подобного вывода послужила ст. 7 Киевского соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г., которая предусматривает, что государства — участники СНГ взаимно признают и исполняют вступившие в законную силу решения компетентных судов, а также ст. 8 Соглашения, которая была интерпретирована таким образом, что в судебном порядке производится только приведение в исполнение решения иностранного суда, тогда как для признания иностранного суда такой порядок не предусмотрен.

Кроме того, суд сослался на п. 1 ст. 52 Минской конвенции, которая содержит норму о том, что вынесенные и вступившие в законную силу судебные решения, не требующие по своему характеру исполнения, признаются на территориях других договаривающихся сторон без специального производства.

Видится, что подобный подход является достаточно неоднозначным.

По общему правилу юридическая сила судебного решения ограничена территорией вынесшего его государства и процедура признания направлена на придание такому решению юридической силы в пределах иностранной юрисдикции.

²⁵ Дело № А40-55913/12-47-518 АС г. Москвы.

²⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 15.10.2013 № 8094/13.

Все чаще в рамках судебных разбирательств возникает потребность подтвердить обстоятельства, имеющие юридическое значение, судебными актами зарубежных судов, и в этом случае остро стоит вопрос, какие юридические последствия они могут иметь применительно к российскому исковому процессу.

Очевидно, что в такой ситуации не может действовать ни ст. 16 АПК РФ ввиду отсутствия обязательного судебного акта российского суда о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения, ни ст. 69 Кодекса, регулирующая вопросы преюдиции, так как она не распространяется на решения иностранных судов.

Для решения поставленной проблемы видятся возможными несколько подходов.

1. При наличии соответствующего международного договора автоматически признавать судебные решения без задействования специальной процедуры. Очевидным недостатком данного подхода представляется то, что иностранное решение не проходит проверку на соблюдение хотя бы минимальных стандартов надлежащей судебной процедуры (*due process*) и на соответствие публичному порядку того государства, где это решение будет признаваться и иметь соответствующее юридическое значение.

Более того, видится не вполне обоснованным и достаточно дискуссионным рассматривать судебные акты, содержащие определенные юридические квалификации и вследствие этого претендующие на признание этих квалификаций в иностранном судебном разбирательстве в качестве не требующих принудительного исполнения.

Тот факт, что иностранное судебное решение не требует выдачи исполнительного листа, не может означать его приравнивание к национальным судебным актам, особенно в тех случаях, когда такое решение претендует на порождение определенных юридических последствий на территории иностранного государства. Это не согласуется с концепцией территориальности судебных разбирательств.

2. Противоположный подход в виде отказа в признании за решением, не исследованным в рамках процедуры

признания и приведения в исполнение, какой бы то ни было юридической силы. Этому подходу также свойственны недостатки, обусловленные преимущественно тем, что он не соответствует глобальным целям эффективной защиты нарушенных прав частных лиц в ходе судебного процесса и нарушает общую тенденцию в стремлении государств к обеспечению трансграничного (экстерриториального) характера процесса.

3. Третий подход основан на применении теории весомого (или существенного) доказательства), суть которой заключается в том, что решение иностранного суда рассматривается не как решение суда, но как доказательство определенных юридических фактов, которые могут быть подтверждены или опровергнуты иными доказательствами по делу.

Такой подход также не идеален и порождает целый ряд вопросов о том, нужно ли оценивать решение с позиции наличия или отсутствия оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения (например, непротиворечие публичному порядку) с учетом того, что заявление о выдаче экзекватуры не подавалось (а в определенных случаях и не могло быть подано в связи с отсутствием надлежащей подсудности).

Помимо этого, при рассмотрении иностранного судебного акта в качестве весомого доказательства и необходимости подтверждения фактов, установленных иностранным судебным решением, иными доказательствами допускается ситуация пересмотра решения иностранного суда по существу, что противоречит ч. 4 ст. 243 АПК РФ. В качестве контраргумента можно отметить, что запрет пересмотра по существу направлен только на рассмотрение вопроса о выдаче экзекватуры, а не на рассмотрение вопроса об оценке иностранного судебного акта в рамках иного судебного процесса.

Во всяком случае, применение такого подхода делает необходимым рассмотрение вопроса о юридической силе иностранного судебного акта как в аспекте вступления его в законную силу по праву государства места вынесения, так и в аспекте отсутствия препятствий для получения экзекватуры на такой судебный акт в государстве места признания.

4. Может применяться также компромиссный подход, согласно которому разрешение вопроса о призна-

нии иностранного судебного решения (не требующего выдачи исполнительного листа) может осуществляться в ходе рассмотрения дела, в котором такое решение представлено для подтверждения тех или иных фактов (экзекватура внутри другого процесса). По сути это будет означать, что в рамках одного судебного процесса судом оценивается вопрос о потенциальной возможности получения экзекватуры на иностранное судебное решение по другому судебному процессу, коим подтверждаются факты, имеющие юридическое значение для первого судебного процесса²⁷. При следовании данному подходу суд также будет обязан оценивать иностранное судебное решение на предмет наличия или отсутствия оснований для отказа в его признании и принудительном исполнении.

С учетом изложенного наиболее адекватным (за рядом исключений) для решения вопроса о юридической силе не прошедшего процедуру признания иностранного судебного решения видится третий подход (теория весомого (существенного) доказательства), в соответствии с которым юридические факты, подтверждаемые таким решением, должны быть также подтверждены и иными доказательствами.

Иначе говоря, такое судебное решение, как не обладающее признаками преюдициальности и обязательности, не может быть единственным доказательством обстоятельств, которые в нем установлены (например, вопросы действительности/недействительности сделок, вопросы правопреемства и т.д.).

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в современных условиях основной вопрос, который стоит и перед российским законодателем, и перед российской судебной системой, заключается в поиске адекватного и эффективного механизма признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, который бы, с одной стороны, позволил обеспечить экстерриториальность вынесенных су-

дебных актов, а значит, и однократность судебного процесса для стороны, предотвращение параллельных процессов по аналогичному спору, но с другой — позволил бы обеспечить в необходимых случаях национальный суверенитет и защиту публичных интересов государства.

В таких условиях вопрос о выдаче российскими арбитражными судами экзекватуры на решения иностранных судов не может решаться однозначно, и требуется создание современного и эффективного международно-правового режима, в рамках которого найдены были бы гармонизированные подходы в отношении определения международной подсудности во избежание обхода закона и недобросовестного *forum shopping*, в особенности в отношении вопросов исключительной международной подсудности; оснований для отказа в выдаче экзекватуры; порядка оказания международной правовой помощи как гарантии вынесения обоснованного судебного акта, соответствующего мировым стандартам осуществления правосудия.

Information about the author

Ekaterina A. Kudelich

Associate Professor of the International Law Department at the Russian State University of Justice, PhD in Law (69 "A" Novocherjemushkinskaya str., 117418 Moscow; e-mail: eakudelich@yandex.ru)

References

Baumgartner S.P. Changes in the European Union's Regime of Recognizing and Enforcing Foreign Judgments and Transnational Litigation in the United States. *Southwestern Journal of International Law*. 2012. Vol. 18. P. 567, 570–582.

Bettoni E. "Recognition and Enforcement of Foreign Money Judgments Despite the Lack of Assets". *New York University Journal of Law & Business*. 2013. Vol. 10. P. 155–187.

Gabriel S. and Damburgs N. Recognition and Enforcement of Judgments of Russian Courts in England and Wales

²⁷ См., напр.: постановление ФАС Московского округа от 17.02.2009 по делу № А40-2905/08-62-3, где в ходе рассмотрения заявления об обязанности ответчика внести в реестр акционеров запись о переходе права собственности на акции был решен вопрос о признании решения иностранного суда о несостоятельности (банкротстве), которым, по мнению истца, подтверждался переход прав на акции.

[Priznanie i privedenie v ispolnenie resheniy rossiyskikh sudov na territorii Anglii i Uel'sa] (in Russian). Statute [Zakon]. 2014. No. 6. P. 162–171.

Gafarov S.E. Basic Models of International Civil Jurisdiction in National Law: a PhD Thesis in Law [Osnovnye modeli mezhdunarodnoy podsudnosti grazhdanskikh del v natsional'nom prave: diss. na soiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk] (in Russian). Saratov, 2012. P. 42–68.

Heiser W.W. “Forum Non Conveniens and Retaliatory Legislation: The Impact on the Available Alternative Forum Inquiry and on the Desirability of Forum Non Conveniens as a Defense Tactic”. The University of Kansas Law Review. 2008. Vol. 56. P. 609–618.

Kaysin D. “The Doctrine of International Comity and Enforcement of Foreign Judgments in Russia” [Doktrina mezhdunarodnoy vezhlivosti i privedenie v ispolnenie inostrannykh sudebnykh resheniy v Rossii] (in Russian). Statute [Zakon]. 2014. No. 6. P. 152–160.

Lookofsky J. and Ketilbjørn H. Transnational Litigation & Commercial Arbitration. An Analysis of American, European and International Law. 3rd ed. Huntington, New York: Copenhagen: Juris, 2011. P. 27–45.

Lowenfeld A.F. International Litigation and Arbitration. 3rd ed. Thomson West, 2006. P. 115–146.

Mokhova E.V. “Jurisdiction Over Foreign Parties in Russian Commercial Courts” [Kompetentsiya rossiyskikh arbitrazhnykh sudov po rassmotreniyu del s uchastiem inostrannykh lits] (in Russian). Herald of the Arbitrazh Court of Moscow Region [Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga]. 2014. No. 4. P. 17–39.

Neshataeva T.N. “Respect, Comity and Reciprocity are the Fundamentals of the Legal Order” [Uvazhenie drug k drugu, vezhlivost' i vzaimnost' — osnova pravovogo mira] (in Russian). Herald of the Arbitrazh Court of Moscow Region [Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga]. 2014. No. 4. P. 6–14.

Neshatayeva T.N. “Court and the Generally Accepted International Law Principles and Norms” [Sud i obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava] (in Russian). Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii]. 2004. No. 2. P. 69–77.

Weems P.R. “Guidelines for Enforcing Money Judgments Abroad”. International Business Lawyer. 1993. Vol. 21. No. 11. P. 509–512.

Zeynalova Yu. “The Law on Recognition and Enforcement of Foreign Judgments: Is It Broken and How Do We Fix It?” Berkley Journal of International Law. 2013. Vol. 31. Iss. 1/4. P. 150–205.